

ЭПИТЕТАЦИЯ ПРИЗНАКАМИ *СКРОМНЫЙ, РОБКИЙ* В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

**Сергей Анатольевич
Губанов**

Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики, Самара,
Россия, gubanov5@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3011-4589>

Аннотация. Теория атрибутизации тесно связана с теорией эпитетации как одним из ее ответвлений. Если атрибутизация представляет собой логико-когнитивный процесс означивания объекта признаком, то эпитетация, также являясь когнитивным процессом, по большей мере основывается на субъективном познании предмета и наделением его «несистемным» признаком. В рамках идиостиля эпитетация приобретает отчетливые окказиональные черты. Несмотря на различие этих двух процессов, их объединяет потребность субъекта выделить основной признак объекта. Целью данной статьи является описание основных направлений эпитетации признаками *скромный, робкий* и некоторых их синонимов в поэтических текстах М. Цветаевой, сравнение атрибутизации с языковым узусом, а также выявление специфики авторского моделирования эпитета в контексте основных идиостилевых принципов поэтического мышления. Материалом для исследования послужило собрание сочинений М. Цветаевой, Словарь поэтического языка Марины Цветаевой; для характеристики сочетаемостных свойств и узуального употребления прилагательных привлекались данные словаря русского языка, Национального корпуса русского языка. Эпитетные комплексы отбирались методом сплошной выборки и далее подверглись стилистическому и когнитивному анализу, а также статистической обработке. В результате проведенного исследования установлено, что в поэтических текстах М. Цветаевой сохраняются характерные для узуса и русского менталитета коннотации скромности и кротости как важного для человека внутреннего чувства самоограничения, однако присутствуют и авторские направления эпитетации, среди которых олицетворение посредством данных прилагательных природных объектов и абстракций. Скромность и робость связываются с гордостью, кротость же оценивается в качестве абсолютного показателя покорности и смирения. Основными направлениями эпитетации следует признать метонимическое и окказиональное метафорическое.

Ключевые слова: эпитет, эпитетация, эпитетный комплекс, концепт «скромность», концепт «робость», Марина Цветаева, идиостиль.

Для цитирования: Губанов С.А. Эпитетация признаками *скромный, робкий* в поэзии М. Цветаевой // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 120–129. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-120-129>

Сведения об авторе: С.А. Губанов — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 443010, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Л. Толстого, 23.

Scientific Article
UDC 81.373.47
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-120-129>

EPITHETATION WITH THE ATTRIBUTES *MODEST* AND *TIMID* IN THE M. TSVETAeva'S POETRY

Sergey A. Gubanov

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russia
gubanov5@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3011-4589>

Abstract. Attribution theory is closely related to epithet theory as one of its branches. While attribution is a logical-cognitive process of designating an object with a characteristic, epithetation, also a cognitive process is largely refers to the subjective perception of the object and endowing it with a non-systemic attribute. Within the framework of individual style, epithetation acquires distinct occasional attributes. Despite the differences between these two processes, they have one thing in common – the subject's need to identify the object's primary feature. The article examines the main trends in the use of the epithetation of attributes modesty and timidity in the M. Tsvetaeva's poetic texts, compares attribution with linguistic usage, and identifies the specifics of the author's modeling of the epithet in the context of the main individual style principles of poetic worldview. The collected works of M. Tsvetaeva and the Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva serve as the material for the study. To characterize the combinability properties and common usage of adjectives, the author uses data from the Dictionary of the Russian language and The Russian National Corpus. Epithet complexes selected by continuous sampling are subjected to stylistic and cognitive analysis, as well as statistical processing. The result of the research reveals that M. Tsvetaeva's poetic texts retain the connotations of modesty and meekness, characteristic of Russian usage and mentality, as an essential human inner sense of self-restraint. However, there are also authorial distinctive epithetical approaches, including the personification of natural objects and abstractions through these adjectives. Modesty and timidity are associated with pride, while meekness is an absolute indicator of submission and humility. The author proposes to recognize the metonymic and occasional metaphorical as the main directions of epithetization.

Keywords: epithet, epithetation, epithet complex, the concept 'modesty', the concept 'timidity', Marina Tsvetaeva, individual style.

For citation: Gubanov, SA 2026, 'Epithetation of the Attributes *Modest*, *Timid* in the M. Tsvetaeva's Poetry', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 120–129, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-120-129> (in Russ.)

Information about the Author: Sergey A. Gubanov — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, 23, L. Tolstoy Str., Samara, 443010, Russia

© Gubanov S.A., 2026

Введение

Атрибутизация как процесс наделения объекта тем или иным качеством является одним из основных механизмов познания. В языке атрибутизация сочетается с предикацией, что делает признак центральным элементом высказывания (ср. *горячий кофе*, где *горячий* – один из признаков кофе, представленный в отвлеченном значении и *кофе горячий* – основной признак кофе, актуальный здесь и сейчас), порождает регулярную многозначность [2; 4]. При этом часто на периферии лингвистической мысли остается связанный с данными процессами механизм эпитетации. Эпитетация представляет собой разновидность атрибутивно-предикативного ранжирования признаков объекта, зависимость от субъективных факторов выбора признака. Необходимо признать, что и логико-когнитивный процесс атрибутизации не исключает субъективность, однако опирается на всеобщие, постоянные свойства объекта, которые позволяют их устойчиво с ним ассоциировать, идентифицировать по ним предмет.

Основным средством экспликации атрибутивной семантики в русском языке следует признать имя прилагательное [3; 7]. Если же говорить шире, то корпус признаков слов составляет языковой арсенал вербализации атрибутивного смысла от адъективов до наречий, местоимений и субстантивов. При этом семантическая гибкость признаков слов позволяет им не только выразить огромный спектр признаков, но и модифицировать свои значения (ср. *тяжелая сумка*, *тяжелый урок*, *тяжелая новость*, *тяжелый характер*). Наличие прототипического знания об объекте позволяет выделить в нем основные и второстепенные признаки, актуализировать нужный смысл.

Н. Е. Сулименко, рассматривая когнитивно-дискурсивную природу имени прилагательного, отмечает, что субъективность и объективность признака, их существенность для субъекта и несущественность, часто ассоциируемые с эпитетом и не эпитетом, во многом условны: такие признаковые значения относительных прилагательных, как «являющийся чем-то», «содержащий что-то», «каузирующий что-то» и т.д., чаще имеют очень абстрактное значение [16, с. 19]. Признак неотделим, зависим от объекта, он, в отличие от глагольного предикативного признака, является неизменным, постоянным, устойчиво связанным с определяемым. С другой стороны, именно признак несет в себе новую информацию об объекте: в прилагательном заключено то, ради чего строится высказывание, поэтому модальность, перцептивность, эмоциональность, оценочность необходимы для такого признака, а это уже – показатель изменчивости этого свойства. Эмпирические и рациональные признаки, как подчеркивает Н. Е. Сулименко, условно разделены учеными на эти два типа, «поскольку они отражают две взаимообусловленные ступени в концептуализации мира. Но у качественных прилагательных прототипическим, доминантным признаком выступает перцептивность, признак субъективной характеристики является выделенным на всех уровнях языка...» [16, с. 27].

Обратимся к пониманию сущности эпитетации в лингвистике. Стоит отметить, что эта проблема сопряжена с основной задачей эпитетологии – определением эпитета. Не вдаваясь в разнообразие трактовок эпитета, укажем на то, что в работе эпитет понимается широко как любой тип признаков лексем, в которых присутствует указание (актуализация) на особый признак, важный в данном контексте [6; 8, 9; 17; 18]. Поскольку эпитет – это главная, новая информация об объекте, именно на него неизменно обращается внимание в составе эпитетного комплекса. Сам же эпитетный

комплекс состоит из эпитета и определяемого слова, что можно считать прототипической схемой метафорообразования со сферой-источником и сферой-целью.

Кратко остановимся на критериях выделения эпитета как единицы речи и принципах эпитетации. Основной, объективный признак является устойчивым, существенным, неоценочным. Иногда к такому определению применяется термин *нормативный (узуальный) эпитет*, что, на наш взгляд, расширяет границы эпитетации и не дифференцирует логическое определение и эпитет. Скорее, речь идет о том, что при атрибутизации выделяется нормативный, «идеальный» признак с общей для носителей языка перцептивной и понятийной основой: «качество – это определенность объекта, составляющая внутреннее основание всех его изменений. Качество есть то, благодаря чему предмет на протяжении какого-то времени является тождественным самому себе предметом, в той или иной степени отличным от других предметов и с коренным изменением чего он перестает быть таковым – становится другим предметом» [12, с. 4]. Эта определенность, отграниченность вещи от другой вещи является онтологическим признаком бытийственности объекта.

Признак, на который обращает внимание говорящий в процессе эпитетации, отличается такими качествами, как непостоянство, случайность, выразительность, оценочность, интенсивность, метафоричность, эмотивность, образность, орнаментальность, уточнение основного признака и т.д. Все данные критерии не являются одинаково значимыми. Так, орнаментальность (украшение речи, придание ей особой тональности, окраски) и выразительность являются очень общими понятиями, вербализуемыми различными средствами. Функция уточнения основного признака является одной из многих, однако далеко не всегда автор преследует цель детализации признака. Другие критерии связаны друг с другом: установить случайность признака можно лишь контекстуально и субъективно, непостоянство является онтологическим свойством признака при эпитетации, поскольку любой эпитет отражает временность и ситуативность восприятия объекта. Экспрессивность же, понимаемая широко как единство эмотивности, оценочности, интенсивности и образности, покрывает то свойство эпитетации, которое можно именовать дополнительным признаком. Данный признак формируется в результате лингвокреативной деятельности субъекта и выражает его способность ранжировать признаки в зависимости от ситуации.

Эпитетация представляет собой когнитивно-семантический процесс, основанный на субъективном восприятии объекта на основе его признаков и актуализации их значимости.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили поэтические тексты М. Цветаевой [19], а также Словарь поэтического языка Марины Цветаевой [14]. Для характеристики сочетаемостных свойств и узуального употребления прилагательного *дерзкий* привлекались данные словаря русского языка (МАС) [15], Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [11].

Объем выборки составил 58 единиц, включающих эпитетные слова *скромный, робкий, застенчивый, кроткий* в составе эпитетных комплексов, в поэтических текстах М. Цветаевой.

Объектом анализа в статье являются эпитетные комплексы, содержащие признаки *скромный, робкий, застенчивый, кроткий* в качестве эпитетного элемента. Предметом исследования выступают направления эпитетации объектов признаками

скромный, робкий, застенчивый, кроткий в составе эпитетных комплексов и их идиостилевая специфика в текстах М. Цветаевой.

Единицы отбирались автоматически методом сплошной выборки. Найденные единицы подверглись стилистическому и когнитивному анализу, а также статистической обработке (простой количественный подсчёт), в ходе которой была выявлена частотность употребления лексем в составе поэтического идиостиля поэта.

Результаты

Целью работы является описание основных направлений эпитетации признаками общего семантического поля *скромность / робость* в поэтических текстах М. Цветаевой, сравнение атрибутизации с языковым узусом, а также выявление специфики авторского моделирования эпитета в контексте основных идиостилевых принципов поэтического мышления.

Язык поэтических текстов М. Цветаевой отличает разнообразие лингвистических приемов актуализации атрибутивных смыслов, что связывается с особым пониманием эпитета поэтом: «...я день (у стола, без стола, за мытьем посуды или головы и т.д.) ищу эпитета, т. е. одного слова...» [19, т. 7, с. 293]. О. Г. Ревзина отмечает, что метафора в текстах поэта строится на постоянной смене точки зрения на объект, на выделении нового признака: «неситуативные метафоры, отнесенные к одному и тому же объекту... могут полагать в качестве конститутивного разные признаки и соответственно провоцировать разные точки зрения. ... Что касается ситуативных метафор, то теоретически они допускают ничем не ограничиваемое разнообразие образов и точек зрения»: *тысячегрудая могила братская* и *кифара* [13, с. 11].

Одним из центральных понятий для творчества М. Цветаевой является понятие человека, следовательно, можно говорить об антропоцентричности ее текстов, что подтверждается данными цветаеведов и лингвистов: поэт познает мир, пропуская его через себя [8; 9; 10; 13]. При описании себя и другого поэт прибегает к метонимической и метафорической эпитетации. Особенно это частотно относительно социально-коммуникативных признаков, обозначающих характер человека, его эмоциональное состояние. В когнитивной лингвистике закрепилось мнение о том, что живые существа, человек, обладают «эксклюзивными» признаками, свойствами, описывающими целостный объект, они прототипически характеризуют человека и проявляются в закрепленных за ними частях тела (*злое сердце, упрямый подбородок*, но не наоборот). В связи с этим ниже будет рассмотрена эпитетация таким типом признаков, которые характеризуют человека, его нрав и поведение (ср. *кроткие глаза, робкая походка*).

Охарактеризуем понятия скромности и робости в понятийном плане и их представленность в русском языковом сознании.

Скромность представляет собой этический концепт и идеальную норму поведения (внешнее проявление в социуме), и внутренне осознанный выбор, осознание чувства меры, что приводит к смирению, покорности. В русском языке эталон скромности – «обобщенный, собирательный образ скромной девушки в русском языке по текстовым данным с помощью эталонов можно представить так: Она была скромна, как агнец, как полевой цветок, как ромашка, как василек во ржи, как нежная фиалка, как Дюймовочка, как мышка. Этот образ в целом положительный. Образ скромного мужчины в основном представлен иронично: Скромнен, как барышня, как красна девица, как полевая гвоздика, как фиалка, как агнец, как мышь. Положительный образ: скромнен, как герой, как истинно великий человек. Скромный человек, понимаемый как *тихий*, ассоциируется с водной стихией» [5, с. 54].

В словаре русского языка приводятся следующие значения слова *скромный*: «1. Лишенный тщеславия, высокомерия, не выставляющий напоказ своих достоинств, заслуг. 2. Сдержанный в обращении, поведении, в словах, поступках. 3. Не бросающийся в глаза, не привлекающий особенного внимания, простой. 4. Обычный, рядовой (о должности, профессии). 5. Небольшой, незначительный. *Скромные требования. Скромные заслуги. Скромные доходы*» [15]. Синонимами адъектива *скромный* выступают лексемы *воздержанный, умеренный, непритязательный, невзыскательный, скудный, благонравный, благопристойный, чинный* [1].

Отметим в целом положительную коннотацию прилагательного, однако скромность как отсутствие чего-то осмысливается как скудость (*скромный ум, скромные успехи*). Такая двойственность семантики отражается и в Национальном корпусе русского языка, где определяемые слова представлены как эталонные (*труженик, девушка, дом, квартирка, жилище*), так и негативно оцениваемые (*размер, должность*), тогда как сочиненные прилагательные отражают позитивное восприятие признака: *застенчивый, тихий, молчаливый, честный, трудолюбивый, простой, робкий, приличный* [11].

Прилагательное *робкий* в большей степени отражает такую черту поведения человека, как страх, боязнь, внутреннюю неуверенность в себе: ср. *скромные успехи*, но не *робкие*. Синонимами *робкому* приводятся адъективы *боязливый, страшливый, малодушный, пугливый, трусливый, трепетный* [1], а в словаре даются значения: «1. Несмелый, боязливый. 2. перен. Проявляющийся не в полную силу, слабо или редко» [15]. С одной стороны, робость воспринимается в целом положительно, но обращается внимание на то, что ее присутствие делает человека безынициативным, нерешительным. В Национальном корпусе русского языка сочиненные прилагательные с данным адъективом отражают сущность его семантики: *застенчивый, неуверенный, нерешительный, забитый, стыдливый, неловкий, пугливый, малодушный, несмелый* [11].

Еще два близких по значению прилагательных *кроткий* и *застенчивый* отражают детализацию значений рассматриваемых концептов. *Кроткий* определяется как «незлобивый, уступчивый, покорный» [15]. Кротость – выражение смирения, покорности: см. сочиненные прилагательные: *смиранный, смиренный, тихий, терпеливый, покорный, послушный*. Кротость, в отличие от робости, понимается в большей степени позитивно: *миролюбивый, нежный, ласковый, снисходительный*. С кротостью ассоциируется *нрав, улыбка, ангел, агнец, овечка, лик* [11]. Синонимами кротости будут значения безобидности, добродушия, мягкости, смирения, скромности, терпеливости [1]. Кротость и скромность наиболее близки.

Застенчивость ближе к робости: «робкий, несмелый, стыдливый в обращении» [15]. Застенчивыми именуется не только *улыбка, румянец* или *юноша, паренек*, но и *робость, неловкость, скромность, гордость* [11], что говорит о тенденции к интенсификации данного смысла. Именно стыдливость, смущение и неловкость как амбивалентные черты характера выходят на первый план при вербализации данного смысла.

В поэтических текстах М. Цветаевой эпитетация с участием рассматриваемых признаков происходит регулярно. Приведем количественные данные употребления прилагательных на основе словаря поэтического языка.

Прилагательное *скромный* употреблено 15 раз, наречие *скромно* – 3 раза [14, т. 4, кн. 1, с. 434]; прилагательное *робкий* употреблено 16 раз, тогда как субстантив

робость – 13 [14, т. 4, кн. 1, с. 154–155]; адъектив *кроткий* упомянут 18 раз, наречие *кротко* – 3 раза (слово *кротость* – 10) [14, т. 2, с. 393]; прилагательное *застенчивый* употреблено дважды (также представлено сложное слово *застенчиво-юный*) [14, т. 2, с. 201].

Регулярность метонимических переносов атрибутивного типа отмечается, как и в узусе, в текстах поэта: результирующий тип метонимии заключается в переносе признака с человека, черты его характера на его действие (*застенчивый человек – застенчивая просьба*): *Словно просьбы застенчивой ради, // Повторился последний аккорд* [19, т. 1, с. 27].

Скромность ассоциируется у поэта со стоическим идеалом обуздания своих чувств: *Так, скромные, богоугодные, // Душой и телом – благородные* [19, т. 1, с. 493], а также со скромным бытом, доходящим до нищеты: *О, скромный мой кров! Нищий дым!* [19, т. 1, с. 537]. Скромность и гордость идут вместе: *Вы, как все самородные слитки, // Так невольно, так гордо скромны* [19, т. 1, с. 26]. Скромность – это благородство, то, что дано вечно (вещественная метафора).

Робость атрибутивно осмысливается поэтом в двух направлениях: это внутренняя робость, являющаяся модификацией гордости: *Гордость и робость – родные сестры* [19, т. 2, с. 55], и внешнее ее выражение в виде походки, взгляда, шага, артефактов: *Робок – шаг, // Долю – зрак* [19, т. 3, с. 336]; *И синий взгляд, пронзитель и робок* [19, т. 1, с. 314]. Робость – это вор, что несвойственно языковому употреблению: *Робкая как вор, // О – ни души не задевая!* [19, т. 2, с. 369]. Авторскими следует признать модели эпитетации признаком *робкий* ночи: *Ты думаешь, робка // Ночь – и ушла с рассветом?* [19, т. 2, с. 206], и обмана: *К забывшей душе неуверенно-робкой походкой // Приближается прежний обман* [19, т. 1, с. 84].

Эпитетация признаком *кроткий* предстает достаточно разнообразной по своим направлениям. Частотность языковой метафоры *кроткие глаза*, возникшей в результате метонимизации значения признака в рамках взгляда как основного выразителя характера человека, объяснима: *Промеж грозных, промеж кротких очей* [19, т. 3, с. 204], так же, как и эпитетный комплекс *кроткий лик* демонстрирует узальность: *Темной капеллы, где плачет орган, // Близости кроткого лика!..* [19, т. 1, с. 69]. Однако детализация объекта развивает и уточняет область проявления признака, *кротость* связывается с оленем: *Кротчайший – с глазами оленя – Георгий!* [19, т. 2, с. 42]. Признак распространяется на нетипичные для узуса части тела: *То не черных две косы, служанки кроткие* [19, т. 3 с. 241], а также на артефакты: *Сапожком – робким и кротким* [19, т. 2, с. 17]. Сближение близких по смыслу эпитетов служит задаче интенсификации признака.

Эталонами *кротости* (*скромности*), выступают не только традиционные символы, но и авторские. Как правило, употребление формы *кротче* способствует переходу через эталон (стратегия безмерности): *Встанет, белого овна кротче* [19, т. 3, с. 581]; *Замертво павшей клячи // Кротче!* [19, т. 3, с. 614]; *Шедший кротче тельца* [19, т. 3, с. 620]. Сема интенсивности проявления признака актуализируется за счет олицетворения солнца: *Отрешеннее и кротче // Солнце – к ночи* [19, т. 2, с. 14].

Заключение

Эпитетация представляет собой логико-когнитивный, креативный процесс наделения признаком объекта. Признак является носителем субъективно значимой информации, мотивирован только контекстуально.

Эпитетация в идиостиле М. Цветаевой отражает как национально закреплённые символические смыслы концептов *скромность* и *робость*, так и имеет яркую идиостилевую специфику. Признак *скромный* понимается как выражение глубинной сущности человека, неизменно связывается с гордостью, благородством. Робостью наделяются не только метонимические заместители человека, но и абстракции (обман), душа, что говорит о метафоризации признака и его передвижении в сторону несвойственной ему концептуальной сфере. *Кроткий* воспринимается поэтом в качестве абсолютного свойства непритязательности, что выражается в использовании формы *кротче* в составе суперлативных конструкций.

Перспективы дальнейшего исследования связываются с описанием всего корпуса эпитетных слов в идиостиле других писателей в когнитивно-семантическом аспекте с целью выявления основных направлений эпитетации и их роли в конструировании авторской модели мира.

Список источников и литературы

1. *Абрамов Н. А.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Рус. словари, 1994. 499 с. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/slovar-sinonimov> (дата обращения: 24.11.2025).
2. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 366 с.
3. *Арнольд И. В.* Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта; Наука, 2002. 384 с.
4. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
5. *Богданова Л. И., Сюй Лиунь* Культурные эталоны скромности в русском и китайском языках // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27, № 3. С. 43–61.
6. *Булахова Н. П., Сквородников А. П.* К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122–143.
7. *Виноградова С. А.* Пластичность семантики признаков слов // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2021. № 4 (71). С. 30–38.
8. *Губанов С. А.* Прониминативный эпитетный комплекс как часть эпитетной парадигмы в прозе М. Цветаевой // Тульский научный вестник. Сер.: История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 122–129. URL: <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-122-129>
9. *Губанов С. А.* Эпитетный комплекс в текстах Марины Цветаевой // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 32–40.
10. *Зубова Л. В.* Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. 264 с.
11. *Национальный корпус русского языка:* [онлайн-коллекция текстов на русском языке]. М., 2003–2025. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 24.11.2025).
12. *Панфилов В. З.* Категории мышления и языка. Становление и развитие категории качества // Вопросы языкознания. 1976. № 6. С. 3–18.
13. *Ревзина О. Г.* Метафора в поэтическом идиолекте Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1999. Т. 3, кн. 1. С. 5–30.
14. *Словарь поэтического языка Марины Цветаевой:* в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. Т. 2. 552 с.; 2001. Т. 4. 672 с.
15. *Словарь русского языка /* под ред. А. П. Евгеньевой: в 4 т. М.: Рус. язык, 1999. Электрон. версия // Русская литература и фольклор: фундамент. электрон. б-ка. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 24.11.2025).
16. *Сулименко Н. Е.* Современный русский язык: к изучению семантики имен прилагательных: учеб. пособие. Саратов: Вуз. образование, 2016. 249 с.

17. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-Пресс, 1996. 334 с.
18. Фадеева Т. М. Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Фадеева Татьяна Михайловна. М., 2014. 460 с.
19. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1-3.

References

1. Abramov NA 1994, *Slovar russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy* (Dictionary of Russian synonyms and expressions with similar meanings), Russkiye slovari publ, Moscow, viewed 24 November 2025, <https://gramota.ru/.ru> (In Russ.)
2. Apresyan, YuD 1974, *Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskiye sredstva yazyka* (Lexical Semantics: Synonymic Means of Language), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
3. Arnold, IV 2002, *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka* (Stylistics. Modern English language), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
4. Arutyunova, ND 1988, *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt* (Types of Language Meanings: Evaluation. Event. Fact), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
5. Bogdanova, LI & Liyun, Xu 2024, 'Kulturnyye ehtalony skromnosti v russkom i kitayskom yazykakh' (Cultural Standards of Modesty in the Russian and Chinese Languages), *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* (Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication), no. 3(27), pp. 43–61. (In Russ.)
6. Bulakhova, NP & Skovorodnikov, AP 2017, 'K opredeleniyu ponyatiya epitet (predugotovleniye k funktsionalnoy kharakteristike)' (Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic), *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* (Ecology of Language and Communicative Practice), no. 2 (9), pp. 122–143. (In Russ.)
7. Vinogradova, SA 2021, 'Plastichnost semantiki priznakovykh slov' (Plasticity of semantics of predicate words), *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya"* (Vestnik TvGU Series: Philology), no. 4 (71), pp. 30–38, doi: 10.26456/vtfilol/2021.4.030. (In Russ.)
8. Gubanov, SA 2024, 'Pronominativnyy epitetnyy kompleks kak chast epitetnoy paradigmy v proze M. Tsvetaeyevoy' (Pronominative Epithet Complex as Part of Epithet Paradigm in M. Tsvetaeva's Prose), *Tulskiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznaneniye* (Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics), no. 1 (17), pp. 122–129, doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-122-129. (In Russ.)
9. Gubanov, SA 2022, 'Epitetnyy kompleks v tekstakh Mariny Tsvetaeyevoy' (Epithet complex in Marina Tsvetaeva's texts), *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* (Theoretical and Applied Linguistics), no.8 (4), pp. 32–40, doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_32. (In Russ.)
10. Zubova, LV 1989, *Poeziya Mariny Tsvetaeyevoy: Lingvisticheskiy aspekt* (Poetry of Marina Tsvetaeva. Linguistic Aspect), Izd-vo Leningradskogo un-ta publ, Leningrad. (In Russ.)
11. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* (The Russian National Corpus) 2003–2025, viewed 24 November 2025, <https://ruscorpora.ru> (In Russ.)
12. Panfilov, VZ 1976, 'Kategorii myshleniya i yazyka. Stanovleniye i razvitiye kategorii kachestva' (Categories of thought and language. Formation and development of the category of quality), *Voprosy yazykoznaneniya* (Topics in the Study of Language), no. 6, pp. 3-18 (In Russ.)
13. Revzina, OG 1996, 'Metafora v poeticheskom idiolekte Mariny Tsvetaeyevoy' (Metaphor in the poetic idiolect of Marina Tsvetaeva), *Slovar poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaeyevoy: v 4 t.* (Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva. In 4 vols.), vol. 3, book 1, Dom-muzey Mariny Tsvetaeyevoy publ, Moscow, pp. 5–40. (In Russ.)
14. Revzina, OG (ed.) 1998–2001, *Slovar poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaeyevoy: v 4 t.* (Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva. In 4 vols.), vol. 2, vol. 4, Dom-muzey Mariny Tsvetaeyevoy publ, Moscow. (In Russ.)

15. Evgenyeva AP (ed.) 1999, *Slovar russkogo yazyka: v 4 t* (Dictionary of the Russian language. In 4 vols.), Russkiy yazyk publ, Poligrafresursy publ, Moscow, viewed 24 November 2025, [https://:https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp](https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp) (In Russ.)
16. Sulimenko, NE 2016, *Sovremennyy russkiy yazyk: k izucheniyu semantiki imyon prilagatelnykh: uchebnoye posobiye* (Modern Russian. Towards the Study of the Semantics of Adjectives. A Study Guide), Vuzovskoye obrazovaniye publ, Saratov. (In Russ.)
17. Tomashevskiy, BV 1996, *Teoriya literatury. Poetika* (Theory of literature. Poetics), Aspekt Press publ, Moscow. (In Russ.)
18. Fadeyeva, TM 2014, *Slozhnyy epitets – yadernaya edinitsa khudozhestvennogo prostranstva v russkom yazyke* (A complex epithet is a nuclear unit of artistic space in the Russian language), doctoral thesis, Moscow. (In Russ.)
19. Tsvetaeva, MI 1994, *Sobraniye sochineniy* (Collected works), vols. 1-3, Ellis-Lak publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 24.11.2025
Одобрена после рецензирования: 13.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 24.11.2025
Approved after reviewing: 13.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026